

С особым цинизмом

впервые в России поставлена опера
Бенджамина Бриттена «Поругание Лукреции»

|| ГЮЛЯРА САДЫХ-ЗАДЕ

Гипсовые головы античных героев повисли на цепях в угольно-черной коробке сцены. В полуумраке белеют римские торсы, поблескивают металлом тяжелый поворотный круг с проемом-дверью. Так, на контрасте белого и черного, скрупой сценографии и экспрессивного вокала выстроен спектакль Камерного театра «Санкт-Петербург Опера» «Поругание Лукреции».

Постановкой камерной оперы Бриттена театр, возглавляемый режиссером Юрием Александровым, в очередной раз подтвердил свою устойчивую ориентацию на освоение современного оперного репертуара. Правда, опера Бриттена относится скорее к оперной классике XX века, однако до сих пор ее в России не ставил никто. И зря: опера эта — бесспорный шедевр, по силе и экспрессии художественного высказывания не уступающий Пуччини, а по виртуозному отбору средств выдающий руку истинного мастера.

Написанная в скучные послевоенные годы, опера рассчитана на минимальный камерный состав: всего восемь солистов (из них двое исполняют функции мужско-

ческого) наблюдают за происходящим, расположившись на ветхой, обитой дерматином скамье; комментируют, сострадают героям, даже пытаются вмешиваться в ход событий — когда подлый Тарквиний (Владимир Выюров) крадущийся направляется в спальню Лукреции (Лариса Иванова).

«На шаг от вас, на шаг от них», — поют «паралелисты», обращаясь к залу; и действительно, пара задрипаных очкариков, «синий чулок» и книжник-интеллигент являются медиаторами между залом и сценой. Благодаря им между зрителем и сценой натягивается тугая невидимая нить искреннего сопереживания. Вовлечению зрителя в действие способствуют и говорящие, узнаваемые детали

Обесчещенная Лукреция [Лариса Иванова] не внемлет мольбам кормилицы Бьянки [Зинаида Дюжова] скрыть происшедшее от мужа Фотограф: Никита Инфантьев

го и женского хоров, как в античной трагедии) и маленький оркестрик, более подходящий на ансамбль. Идеальный состав для небольшой гастролирующей труппы и для петербургского камерного театра с малосенькой сценой.

История о верной и любящей жене римского полководца Коллатинуса, коварно обесчещенной в собственном доме правителем-этруском Тарквианием и покончившей с собою, чтобы кровью смыть позор, пришла к нам из хроник римского историка Тита Ливия. Однако не потеряла актуальности и сегодня: гуманистический пафос, коим насытил историю Бриттен, яростный протест автора против насилия над личностью, против агрессии и цинизма, пропитавших общество, злободневны в современной России как никогда.

Сценограф Зиновий Марголин и режиссер Юрий Александров создали вместе немало удачных спектаклей. Но этот, последний — пожалуй, один из самых органичных и точных по замыслу, по мысли и ее пластическому и пространственному выражению. Поразительное соответствие режиссерских намерений и выстроенного Марголиным сценического пространства создает единый визуально-смысловой континуум. Малые объемы сцены расширены за счет партера. Там, прямо перед оркестровой ямой, происходит параллельное действие: Он (Сергей Румянцев) и Она (Анна Не-

из военного прошлого: узлы с тряпьем, которые таскали беженцы, дряхлый ламповый приемник с зеленым окном, к которому приносят Он и Она. Из приемника несется «вражьи голоса», призывающие быть ненавистных захватчиков-этрусков на чистейшем русском языке (сама опера идет по-английски); доносятся призывы «Рим — римлянам!».

Сценическое действие завораживает ритуальностью: это не театр, а ходячие барельефы. Золотые лица-маски полководцев, профильные позы, застывшие, как на греческих амфорах, группы фигур... Строгие фраки кричат о принадлежности героев к элите; изумительно красивые, серебряно-черные платья женщин, богато украшенные вышивкой и гроздьями ожерелей (художник по костюмам — Вячеслав Окунев), вносят в стилистику спектакля ноту великосветского приема. Между женских пальцев струится золотистая вуаль — символ супружеского счастья, покоя и беспорочности Лукреции. Нежным флером покрывало окутывает женщин; и насыщенные глаза сквозь него кажутся невообразимо прекрасными. Сама сцена насилия подана без шокирующего натурализма, сдержанно и скрупично: это сообщает оперному зрелищу благородную величественность античной трагедии. Никнут яркие цветы в золотой вазе; разодрано в клочья платье; кровавые потеки на прекрасном лице. Растоптанна верность, запятнана чистота; эти пятна смоет смерть.